

Владлен Сироткин

ЗОЛОТО
КОЛЧАКА

Владлен Сироткин
Золото Колчака

«Алисторус»

2010

Сироткин В. Г.

Золото Колчака / В. Г. Сироткин — «Алисторус», 2010

Судьбы золотого запаса Российской империи волнуют историков, экономистов и просто граждан бывшего Советского Союза на протяжении всех последних 20 лет. В книге профессора В. Сироткина исследуется судьба «Золота Колчака», прослеживается путь от воровства внешнего к воровству внутреннему, от 20-х годов до эпохи «демократов-реформаторов», окончательно разграбивших народное достояние великой державы. Автор активно выступает за возвращение золота, украденного у России в Гражданскую войну.

© Сироткин В. Г., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Предисловие	5
I	6
1. Золото и внешние займы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владлен Георгиевич Сироткин

Золото Колчака

Предисловие

Мировой экономический кризис поставил ряд проблем, в том числе и финансовых, перед Россией. Огромные средства требуется вложить в экономику страны, чтобы поддержать ее на плаву. Между тем у России есть огромные неиспользованные резервы, целые клондайки из золота, недвижимости и авуаров (ценных бумаг), которые в XX и начале XXI в. остались за рубежом и до сих пор ни правителями СССР, ни управителями России не востребованы.

Еще в 1993 г. известная британская разыскная юридическая фирма «Пинкертон» через автора этой книги предложила властям России использовать эти «клондайки» хотя бы для выплаты гигантских внешних долгов. Эта фирма, которая еще в 1923 г. начала по оплаченной просьбе наркомвнешторга Л.Б. Красина оценку российской недвижимости за рубежом, к 1993 г. накопила банк данных на 400 млрд. долл. (300 млрд. – недвижимость, 100 млрд. – золото).

Между тем энтузиасты-общественники продолжали поиски «клондайков» и к 2003 г. «намыли» одного зарубежного российского золота в два раза больше, чем указывала в 1993 г. фирма «Пинкертон» (207 млрд. долл., т. к. англичане не учитывали набежавшие за 80 лет проценты; кроме того, они не установили наличие русского золота в некоторых странах – Швеции, Чехии, Швейцарии и других).

По основным странам только т. н. военное золото, вывезенное в Первую мировую и Гражданскую войны (1914–1922 гг.), являет следующую картину:

Япония – 80 млрд. долл.;

Великобритания – 50 млрд. долл.;

Франция – 25 млрд. долл.;

США – 23 млрд. долл.;

Швеция – 5 млрд. долл.;

Чехия – 1 млрд. долл.

Характерно, что официальные лица в США и Великобритании не оспаривали эти цифры, но выражали недоумение – почему власти России не ставят проблему «клондайков» официально?

Однако в последнее время активность российских властей в этом вопросе заметно повысилась: поиску «золота Колчака» уделяется все больше внимания со стороны самых влиятельных фигур в правительстве. И даже – если верить сообщениям СМИ – сам премьер-министр Путин спускался на дно Байкала в батискафе именно в поисках золотого запаса Российской империи...

I

История «царского золота»

1. Золото и внешние займы

Когда с 1909 г. через частное туристическое товарищество известной меценатки графини В.Н. Бобринской (предшественник «Спутника» и «Интуриста») сначала в «ближнее» (автономная Финляндия, Швеция), а затем и в «дальнее» (Германия, Франция, Италия) зарубежье (на основе дарованных манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. свобод проживания и передвижения его подданных «всех званий и состояний») поехали с 50-процентной скидкой массовые организованные группы провинциальной интеллигенции (земские учителя, врачи, фельдшеры, статистики и т. д., т. е. все те сорокарублевые сельские интеллигенты, которые за свой счет не могли бы купить билет до Парижа – 80 зол. руб. в оба конца), они с удивлением обнаружили: русскую ассигнацию без проблем меняют в любом банке Берлина, Вены, Рима или Парижа, а что касается «рыжиков» (золотых николаевских монет по 5 и 10 руб.), то в мелких лавках их охотно берут и без обмена на местные деньги, и даже в 2–3 раза выше официального биржевого курса (1 зол. руб. в начале XX в. равнялся 2,667 франц. фр.).

Знали бы эти российские туристы, в массе своей пылко осуждавшие «проклятый царизм» и составившие в феврале 1917 г. лидирующую прослойку революционной демократии в провинции, кто обеспечил такое уважение к русскому рублю за границей!

А обеспечили эту стабильность, комфортабельное и интересное путешествие три «царских сатрапа», три министра финансов с 1881 по 1903 г. – профессор Харьковского университета экономист Н.Х. Бунге, основоположник теории автоматического регулирования академик И.А. Вышнеградский и бывший билетный кассир с дипломом Одесского университета, а затем начальник службы движения частной Юго-Западной железной дороги математик Сергей Юльевич Витте.

Кратко суть их денежной реформы состояла в переводе с традиционного для XVIII–XIX вв. серебряного паритета бумажного рубля (ассигнации) на паритет золотой. Для этого необходимо было сначала накопить необходимый золотой резерв, чем и занялись Бунге и Вышнеградский.

Внутренних источников накопления было три:

- увеличение государственной золотодобычи на Урале и в Сибири. Рекордная цифра была достигнута в 1914 г. – 66 521,7 кг (для сравнения: в Советской России в 1920 г. – всего 1738,4 кг; в 1993 г. в РФ при неизмеримо возросших по сравнению с 1914 г. технических возможностях – электричество, драги, экскаваторы и т. п. – всего 132 144 кг, а в 1996 г. и того меньше – 120 т);

- резкое увеличение экспорта сельхозпродукции (зерна, масла, мяса, меда, молочных изделий и т. д.);

- введение госмонополии на водку и табак и значительное повышение цен и налогов (акцизов) на них, учитывая, что тогдашней нормой учета и потребления было ведро водки (к 1914 г. акциз на водку давал 1 млрд. зол. руб. из всего госбюджета империи в 3,5 млрд.).

С 1881 по 1894 г. шло накопление золотых резервов. При Бунге в 1886 г. они поднялись до 367 млн. зол. руб., при Вышнеградском к 1892 г. составили 642 млн. И наконец, Витте, имея золотой запас в 895 млн. руб. в 1894 г., начал свою знаменитую «золотую реформу» – обмен старых бумажных ассигнаций на новые, «золотые», то есть имеющие золотой паритет.

К 1897 г. введение «золотого рубля» (в любом отделении Госбанка Российской империи старые бумажные деньги один к одному менялись на новые, а те при желании любого владельца – на золотые чеканные «пятерки» и «десятки») завершилось, и к 1900 г. старые деньги были окончательно выкуплены государством. Из старых в обращении остались только мелкая серебряная и медная разменная монета.

Никогда больше ни до, ни после в России не проводилась подобная неконфискационная денежная реформа.

За неполные 30 лет, с 1886 по 1914 г., золотой запас России вырос более чем в 5 раз (!) и являлся самым крупным в Европе, превышая сумму в 1 млрд. 695 млн. зол. руб. Укрепление золотой стабильности рубля открыло еще одну возможность пополнения казны – на этот раз иностранной валютой. Речь шла о золотых французских франках, которые с 1887 г. рекой потекли в Россию в результате русских внешних займов, предоставленных Францией: с 1887 по 1891 г. по 4 млн. в год, то есть за пять лет сразу 20 млн. зол. фр.

Что это за «золотой дождь» и почему французы при всей известной их скупости пачками начали скупать русские ценные бумаги не только государственных (скажем, «железнодорожного займа» 1880 г. – шесть выпусков облигаций), но и частных (например, Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, 1897 г.) российских компаний? Не были ли это столь знакомые нам по последним годам «пирамиды» типа пресловутых АО «МММ» или «Чары»?

Здесь необходимо сделать одно отступление.

Россия всегда, по крайней мере начиная с Петра I, охотно занимала деньги за границей (хотя не всегда в срок и не столь охотно отдавала: в 1768 г. в Голландии заняли 5,5 млн. гульденов, а вернули их, пусть и с процентами, лишь через 130 лет – в 1898 г.). Екатерина II набрала займов на 41 404 681 руб. и при жизни не вернула ни копейки – расплачивались ее преемники-цари. В период революционных и наполеоновских войн России с Францией главным кредитором выступала Англия: с 1792 по 1816 г. Россия получила более 60 млн. руб., расплачиваясь с англичанами последующие 50 лет.

Кстати, период наполеоновских войн (континентальная блокада 1806–1813 гг.) внес огромную дезорганизацию в европейское денежное обращение. Враги – Франция против Великобритании с союзной ей Россией – активно использовали своих фальшивомонетчиков для фабричной подделки бумажных денег противника. У Наполеона под надзором министра полиции Жозефа Фуше на двух тайных монетных дворах в Париже день и ночь трудилась большая группа условно-досрочно освобожденных фальшивомонетчиков (некий первый вариант бериевских «шарашек», столь талантливо описанных А.И. Солженицыным), печатая вначале поддельные английские фунты стерлингов, а с 1810 г. – русские ассигнации достоинством в 25 и 50 руб. (ими в изобилии были снабжены офицеры и солдаты «Великой армии» Наполеона накануне вторжения в Россию, а в период оккупации Москвы в 1812 г. французская походная типография всю печатала фальшивые ассигнации на Рогожской заставе, в подворье старообрядческой церкви).

Наоборот, англичане в Лондоне гнали «на-гора» фальшивые франки, а русские в Риге – то фунты, то франки, то турецкие динары (в зависимости от того, с кем в данный момент воевала Россия).

Затем до 1826 г. Минфин России вылавливал всю эту фальшивую валюту и даже «отпартовал» Николаю I: задание выполнено. Но фактически вплоть до глобальной денежной реформы графа Витте в 1894–1897 гг. фальшивки периодически всплывали.

В основном внешние займы с Петра I и до Николая I шли на русскую армию (закупку вооружений, строительство «казенных» военных заводов, военного флота и т. д.). Скажем, Крымская война 1853–1856 гг. помимо того, что она закончилась позорным поражением, еще

едва не привела Россию и к финансовому краху: после Парижского мира 1856 г. бюджетный дефицит составил невиданную доселе сумму в 1 млрд. 155 млн. руб.!

Николай I скоропостижно скончался, не вынеся позора и унижения, а его сыну «царю-освободителю» Александру II пришлось выпутываться. Одним из методов этого выпутывания можно считать и отмену крепостного права в 1861 г. за... выкуп (дополнительный налог) с 80 % населения империи – крепостных крестьян.

Известное дело – с русского мужика много не возьмешь, войска (налоговую инспекцию) за недоимками посылать надо... Поэтому следующий царь – Александр III – круто изменил фискальную политику.

Вот тогда-то и пригодились не сановные бюрократы, а ученые-профессора типа Николая Христофоровича Бунге на посту министра финансов. Это была очень интересная и противоречивая эпоха, когда для одних (Н.Г. Чернышевского, казненного брата Ленина – Александра и других «революционных демократов») обер-прокурор К.П. Победоносцев «над Россией простер совиные крыла» (А. Блок, поэма «Возмездие»), а для других (Бунге, Витте, Менделеев) Россия вступила в полосу индустриальной модернизации (по темпам железнодорожного строительства начала догонять США, а по золотому содержанию денег – и обогнала).

По рекомендации профессора Бунге царь лично в 1888 г. отправился в Париж (формально на открытие Всемирной промышленной выставки) и занял у французских банкиров 8 млн. зол. фр. на «железнодорожное строительство» в России. Но занял – и в этом было принципиальное отличие от всех предыдущих и последующих займов России (СССР) – не под честное слово царя (президента), а под русское «залоговое золото», которое доставили во Францию и положили на депозит (в залог) в качестве гарантии.

С тех пор и при царях, и при «временных», и при Колчаке Россия стала применять эту практику. В СНГ эту «царскую» традицию сегодня продолжают Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в своих внешнеэкономических связях с Западом и Востоком (Япония, Турция, Иран), поэтому накануне Октябрьской революции 2/3 золотого запаса оказалось за границей, преимущественно в Англии, Франции, США и Японии.

Но у Александра III особого выбора не было. Дефицит бюджета не уменьшался, выкупные платежи с крестьян за свободу поступали туго (а в 1883 г. по случаю своей коронации царь их вообще отменил, как позднее руководители СССР будут списывать недоимки с колхозов и совхозов).

А тут еще приспела государственно-стратегическая проблема выкупа скороспело построенных и большей частью убыточных частных железных дорог России в казну.

Помните знаменитую «Железную дорогу» великого русского поэта Николая Некрасова с ее «грамотеями-подрядчиками», грабившими неграмотных работяг? А вот еще одно четверостишие того же поэта, но из другого произведения:

Сплошь да рядом – видит Бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья —
Убийство, кража и подлог!

Нынешняя эйфория с приватизацией и акционированием – отнюдь не новость для России. Все это уже было в 80–90-х годах прошлого века, только в обратном порядке: сегодня госсобственность делают «частной» (акционированной), тогда же из «частной» (но за выкуп) делали государственной.

При Александре II, сразу после Крымской войны, начался железнодорожный бум. Возникли сотни (если не тысячи) крупных и мелких «товариществ» по строительству железных дорог, иногда длиной всего в десять-пятнадцать верст (кто сейчас, кроме историков, помнит

Подольскую, Новгородско-Великую или Моршанско-Сызранскую железные дороги?). Многие из них оказались «липовыми»: кредиты у казны выпросили, но ничего не построили. Другие – хотя и построили, но настолько плохо, что казенная железнодорожная инспекция их производства к эксплуатации не допустила. А многие из тех, что допустила, оказались недолговечными. Сам Александр III на себе испытал, что получается, когда русский купец-подрядчик из тогдашних «новых русских» строит кое-как, лишь бы поскорее сдать объект и получить деньги.

...Незадолго до поездки в Париж Александр III со своими чадами и домочадцами отправился из Петербурга на отдых в Крым. Обратный путь лежал по Юго-Западной частной железной дороге. И надо же было такому случиться, что на одном из поворотов из-за «не по ГОСТу» положенной насыпи (да ее еще и подмыло дождем, а дренажа не было – подрядчики сэкономили) царский поезд 17 октября 1888 г. сошел с рельсов. Только чудо да недюжинная сила царя (он держал крышу вагона на своих плечах, пока не подоспела помощь) спасли царскую семью от гибели.

Назначенная министром путей сообщения комиссия из отечественных петербургских и иностранных инженеров установила, что целые участки этой железной дороги были построены с вопиющим нарушением технических норм. После этого устроили глобальную проверку всех железных дорог России. Картина выявилась ужасающая: как и в наши дни с 450 «частными» (виноват, «акционированными») компаниями, на которые растащили «Аэрофлот» (у иных было всего по два-три самолета, да и те не летали – то крыло отвалилось, то шасси нет), подавляющее большинство карликовых «дорог» оказались нерентабельными и опасными в эксплуатации. К началу XX в. правительство выкупило у «частника» около 80 % всех акционированных железных дорог, но некоторые, например стратегическая Брестская (ныне Белорусская), так до 1914 г. и остались в руках предшественников Мавроди. Стоит прочесть недавно вышедшие мемуары сына известного театрального деятеля и мецената Ю.А. Бахрушина (Воспоминания. М., 1994), чтобы убедиться: не случайно частный русский капитал называли «ситцевым» – за пределами ворот текстильной фабрики он еще был слаб в эксплуатации таких сложных технологических и экономических комплексов, как железная дорога. Даже такая, казалось бы, благополучная частная дорога, как Московско-Ярославско-Архангельская (продававшая, кстати, свои облигации за границей), и та, подобно Приморской железной дороге в наши дни, к началу века оказалась банкротом, а председатель ее правления известный меценат-балетоман Савва Мамонтов – в тюрьме.

И здесь уместно процитировать отрывок из еще одного стихотворения Н.А. Некрасова времен железнодорожного бума второй половины XIX в. – «Доллар»:

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона.
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.
Что ни попало – тащат.
«Наш идеал, – говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его – тоже ведь доллар».

Во всех советских хрестоматиях по русской классической литературе XIX в. на этом некрасовское стихотворение обрывалось: и так достаточно для критики и отечественного капитализма, и «заатлантического» империализма в США.

Но Некрасов-то вовсе и не критиковал капитализм как таковой, он критиковал отечественных жуликов и воров, особенно в период реформ и «прихватизации»:

Верно! Но разница в том, что бог его (американского «брата». – Авт.) – доллар, добытый трудом, а не украденный доллар!

И как сегодня президент В. В. Путин собирает снова в кулак «Аэрофлот», так за 115 лет до него Александр III деприватизировал железные дороги за выкуп. У царя на этот выкуп и деньги были, точнее, он их нашел – сразу 8 млн. зол. фр. (к слову, на эти деньги тогда можно было выкупить в казну не только русские, но и половину американских железных дорог). Кстати, выкупали не в один день, как потом поступали большевики (1918 г. – декрет о национализации) или позже «демократы» (1992 г. – разгосударствление и акционирование), а постепенно: более или менее рентабельные частные дороги не трогали, сам процесс выкупа не форсировали, он тянулся более десяти лет. Рачительному отношению к казенным деньгам способствовало и то, что в 80—90-х годах XIX века МПС не было еще «государством в государстве», а входило на правах всего лишь одного из департаментов в Минфин России.

Но деньги не просто взяли, как берет РФ сегодня кредиты у «семерки», Всемирного банка или Международного валютного фонда. Под эти «железнодорожные» займы выпустили «золотые» облигации из расчета 4 % годовых (в самой Франции эта цифра и тогда, и сегодня редко превышала 3 %), честно указав, что деньги идут на выкуп русских частных железных дорог, причем в их последующей реконструкции (и строительстве новых) будут участвовать иностранные банки и промышленные компании.

Это сразу повысило заинтересованность французских банков в инвестициях (к 1914 г. – 67 % в металлургии и 75 % в угольной промышленности на юге России). Такие финансовые гиганты Франции, как «Креди Лионнэ» (с 1879 г. обслуживал весь Дом Романовых), «Париба», «Сосьете женераль», вложили перед 1914 г. в русскую индустрию (уголь, нефть, химия, металлургия и т. д.) до 2 млрд. зол. фр. Например, трамвай в Москве, Киеве и Одессе был построен и пушен франко-бельгийским обществом с участием русского капитала.

В железнодорожный бизнес в России включилось и государственное Национальное общество железных дорог Франции. Его крупнейшим подрядом стало участие в строительстве Транссибирской магистрали, побившем все мировые рекорды подобных гигантских строек: дорогу (за исключением небольшого участка вокруг озера Байкал) строили всего девять лет (1891–1900 гг.).

Вспомним, что БАМ строят вот уже 25 лет и все никак не закончат...

Конечно, свою благоприятную роль для займов, как обычных (семь в 1880–1896 гг.), так и «железнодорожных» (три только в 1888–1894 гг.), сыграла международная конъюнктура. Ведь вначале русские самодержцы ориентировались на Германию, монархический режим которой больше импонировал их политическим вкусам. И даже первый «железнодорожный» заем 1880 г. Россия вначале размещала не во Франции, а в Германии: и деньги у немцев есть, и техника посильней, чем у французов. Но канцлер Отто фон Бисмарк оказался, как и Наполеон Бонапарт, по меткому замечанию профессора А.З. Манфреда, «гениально ограниченным» человеком. Он не сумел преодолеть «крымского синдрома» – Россия навсегда осталась лично для него «жандармом Европы», и он не хотел ее финансового и технологического усиления.

Бисмарк, безусловно, понимал, что для русских царей вопрос – «частная» это железная дорога или «казенная» – дело десятое; главное – ее военно-стратегическое значение. Тем более что все военные Европы знали, что царь Николай проиграл Крымскую войну в том числе и из-за железных дорог: ни одна из них к середине XIX в. не была построена не то что в Крыму, а даже близко к Крыму. Противники же России в короткий период осады Севастополя умудрились построить в Балаклаве собственный стальной путь, завезли паровозы и вагоны и добывали героев первой Севастопольской обороны матроса Кошку и медсестру Дарью Севастопольскую пулями да снарядами, поступавшими по этому железнодорожному пути, а русским подвозили все снаряжение на волах.

Поэтому и «национализация», и «железнодорожные» займы – это явно военная стратегия. «А зачем немцам усиление России?» – размышлял Бисмарк. И в 1880 г. он дает команду: провалить первый русский «железнодорожный» заем в германских банках, несмотря на его высокий процент.

И хотя в Берлин еще раньше, чем в Париж, завезли «залоговое золото», политика оказалась сильнее экономики. Как по команде германская пресса подняла крик: и золото это-де «поддельное», и 4 % – это «липа» и т. д. В итоге русские «железнодорожные» акции пошли на берлинской бирже ценных бумаг «с молотка» за 70 % номинала.

В те времена это был гигантский всеевропейский финансовый скандал, надолго поссоривший Германию и Россию. Спасая лицо, Александр II приказал срочно перевезти «залоговое золото» из Берлина в Париж и туда же отправить остатки русских ценных бумаг.

А французам все это оказалось на руку. Франко-германские противоречия обострялись и в колониях, и в Европе, во французском обществе зрели настроения реванша за отторжение в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии, а тут готовый военный союзник сам просится в Париж да еще «залоговое золото» везет из Берлина!

Мудрено ли, что, когда новый молодой русский царь Николай II с супругой прибыли в октябре 1896 г. в Париж, им был устроен такой прием на улицах французской столицы, какой даже Н.С. Хрущев не устраивал своим космонавтам на улицах Москвы.

Тщетно социалисты и антимилитаристы Жюль Гед и Жан Жорес били тревогу по поводу «сближения свободы с абсолютизмом», а всемирно известный писатель Анатоль Франс предостерегал: «Пусть имеющий уши да слышит: мы предупреждаем – наших граждан ждет гнусное будущее, если они готовы и далее одалживать деньги русскому правительству, когда и после этих займов оно может убивать, вешать, уничтожать по своему усмотрению и игнорировать любое стремление к свободе и цивилизации на всем пространстве своей огромной и несчастной империи».

Увы, великий писатель, наверное, запечатывал, что у французского обывателя сердце слева, но бумажник справа. Да и как можно было великому гуманисту, но наивному в политике писателю тогда догадаться, что крупнейшая за всю историю франко-русских отношений финансовая афера 1880–1914 гг. по перекачке сбережений мелких французских держателей акций «русских займов» в Россию имела мощнейшее, как бы сказали в советское время, идеологически-финансовое прикрытие. Почти вся французская печать: парижская крупнейшая «Фигаро» (выходящая и поныне), «Тан» (ее с 1944 г. сменила «Монд»), «Пти журнал», «Эко де Пари», «Пти паризьен», «Орор» и еще два десятка газет и журналов, не говоря уже о провинциальных «Депеш дю миди» (Тулуза), «Марсельеза» (Марсель), «Свобода» (Лимож) и др., а также партийные издания («Радикал» – орган правящей с 1901 г. партии радикалов и радикал-социалистов, из которой вышли «тигр Франции» Жорж Клемансо, активный сторонник дипломатического признания СССР в 1924 г. Эдуард Эррио и другие видные политики довоенной и межвоенной Франции), профсоюзные (еженедельник «Синдикат») и даже всемирно известное телеграфное агентство Гавас (ныне его сменило Франс Пресс) – все они получали деньги от императорского российского посольства в Париже, действовавшего через некоего Артура Рафаловича, официального представителя (агента) Министерства финансов России в Париже в 1894–1917 гг.

Образчиком камуфляжа своекорыстных интересов рассуждениями о «великой политике» была, например, заказная статья в «Фигаро» 7 октября 1891 г., в которой говорилось: «Патриотизм и правильно понятый интерес французских сберкасс идут рука об руку и уже привели к окошечкам этих касс такое число держателей ценных русских бумаг, какое приходит туда только в часы всеобщего энтузиазма... Это – проявление спонтанных эмоций масс и одновременно сочетание великолепной финансовой операции с политическим актом высо-

кой дипломатии». (Напомним, что 1891 г. – начало формирования франко-русского военного союза против Германии.)

Вся эта афера с подкупом не только журналистов, но и депутатов (Луи Дрейфус) и даже сенаторов от партии радикал-социалистов (Першо, владелец партийного органа «Радикал») всплыла в начале 20-х годов, когда большевики после октябрьского переворота обнаружили в архиве МИД России сверхсекретную переписку Рафаловича и тогдашнего царского посла во Франции с министрами иностранных дел В.Н. Ламздорфом, С.А. Сазоновым и министрами финансов – С.Ю. Витте, В.Н. Коковцовым.

О размерах подкупа говорит одна цифра: только за три месяца (сентябрь, октябрь и ноябрь) 1904 г. на подкуп прессы, депутатов и сенаторов было истрачено 3 345 600 зол. фр.

Большевики весьма удачно использовали эти разоблачительные документы в 1918–1920 гг. как аргумент против уплаты «царских долгов», а с 1921 г. (нэп) – как средство шантажа продажных французских политиканов и давления перед Генуэзской конференцией 1922 г. по вопросу о «русском долге», а также для форсирования дипломатического признания СССР без «предоплаты» по «царским» долгам, хотя все тогдашние премьеры и президенты (Клемансо, Пуанкаре, Мильеран, Вивани и др.) с 1919 г. публично клялись с трибуны палаты депутатов или в интервью: «Если большевики не заплатят, мы их не признаем».

Признали в 1924 г. (лидер радикалов и премьер Э. Эррио). А большевики не все громкие имена назвали, кое-что припрятали про запас: первый полпред СССР Л.Б. Красин привез на всякий случай в 1920 г. в Париж секретное досье на всех купленных с 1880 г. французских политиканов и крупных журналистов.

Признали, ибо орган французской секции Коммунистического интернационала газета «Юманите» получила из Москвы часть этого досье и в ноябре-декабре 1923 г. начала публикацию серии разоблачительных статей, дозируя информацию и пока не называя все имена. Впрочем, одно – главное – было названо: Артур Абрамович Рафалович, из крещеных петербургских евреев, финансовый агент Минфина царского и Временного правительств России, жил в фешенебельном квартале на авеню маршала Фоша, 19, в двух шагах от Триумфальной арки (площадь Звезды, ныне – площадь Шарля де Голля).

Его секретный счет, писала «Юманите», открыт в «Париба» и в «Банк де Пари», счет в «Алжирском кредите» – на имя не существующего месье Ленуара. В 1894–1917 гг. он был вхож во все министерские кабинеты и известнейшие политические салоны Парижа. Был избран член-корреспондентом Французской академии, удостоен ордена Почетного легиона первой степени, являлся членом многочисленных научных сообществ (политэкономии, статистики и т. д.), директором собственного еженедельника, выходящего на французском языке, «Финансовый рынок» и пр.

Помимо прямого подкупа Рафалович искусно играл на Парижской бирже ценных бумаг в пользу России. Для этой цели у него была целая сеть заранее подкупленных дилеров во главе с неким де Вернеем. На такие операции МИД и Минфин не скупилась: только в январе 1904 г. на подкуп дилеров и финансовой прессы министр иностранных дел Ламздорф передал Рафаловичу из секретного фонда министерства единовременно 200 тыс. зол. фр. (сегодня это 3 млн. 800 тыс. фр.).

Для Рафаловича все эти разоблачения в советской и французской прессе оказались пустым звуком: ведь с ноября 1919 г. (циркуляр адмирала Колчака по заграничным посольствам и консульствам) он стал единоличным распорядителем царских авуаров на сумму в 21 млн. 439 тыс. зол. фр., не считая собственных закрытых счетов.

К 1900 г. облигации «русских займов» расхватывали, как в России горячие пирожки на морозе, – их скупили уже более 10 млн. мелких (одна-три облигации) держателей. Люди продавали дома, участки земли, фамильные драгоценности и покупали «царскую бумагу». Особенно прельщал ловкий ход петербургских финансистов: они первыми (теперь-то в Европе и

США это стало нормой) предложили покупать «русские займы» на детей и молодоженов. Еще бы, ведь доходы по таким «детским» бумагам достигали 10 и даже 14 %!

В начале XX в. во Франции появился целый слой рантье, «стригущих купоны» от «русских займов». К 1910 г. продажа облигаций «русских займов» дала гигантскую сумму в 30 млрд. зол. фр., 21 млрд. из которых перекочевал в Россию. На Парижской бирже в тот же год из трех иностранных облигаций одна обязательно была русской.

Показателем стабильности и высокой доходности русских ценных бумаг стала их скупка не только мелкими рантье, но и, что было очень важным для инвестиционной политики России, крупными заграничными банками. Если в 1900 г. этот процесс только начинался, то к 1917 г. доля иностранных акционеров – держателей ценных бумаг русских банков достигла 1/3 (34 %), причем конкурентами здесь выступали французские (47 %) и германские (35 %) банки.

К проблеме «кто кому и сколько должен» мы еще не раз вернемся в этой книге.

Пока же затронем обратный процесс – отток золота и иностранной валюты из России после начала Первой мировой войны, с октября 1914 г. отток, который не прерывался ни всю мировую и Гражданскую войны (1914–1922 гг.), ни во время «перестройки» 1985–1991 гг. и не зависел от политической окраски отправителей золота – будь они белые, красные или розовые.

* * *

Накануне мировой войны золотой баланс России был явно в пользу внутреннего золотого запаса: 1 млрд. 695 млн. зол. руб. против всего 140 млн. в заграничных банках. И вдруг за каких-нибудь неполных три года соотношение резко меняется: внутри страны остается только 1 млрд. 101 млн., а за границей втрое больше – 3 млрд. 604 млн. зол. руб. В чем дело?

Здесь возможны два главных объяснения.

Во-первых, за те недели, что прошли между объявлением Россией ультиматума Австро-Венгрии 11 июля 1914 г. в защиту Сербии и объявлением 31 июля всеобщей мобилизации, чиновники Минфина России провели молниеносную операцию по изъятию русских ценных бумаг и «залогового золота» (того немногого, что осталось после финансового скандала 1880 г.) из берлинских банков и бирж.

Уже в ночь с 11 на 12 июля большая группа уполномоченных банковских служащих срочно выехала из Петрограда в Берлин и там за два-три дня изъела русских ценных бумаг на 20 млн. зол. руб. и успела перевести эту валюту в Лондон и Париж (операция, о которой и не подумали до 22 июня 1941 г. сталинские финансисты, и все имущество и авуары СССР в Германии были конфискованы нацистами).

Гораздо хуже обстояло дело с изъятием золотых монет – «рыжиков» – из обращения внутри России: обмен бумажных ассигнаций на золото временно, до окончания войны, был прекращен, но в 1914–1916 гг. удалось изъять золотых «николаевков» всего на 58 млн., остальные 436 млн. остались «в чулках» у населения (деньги эти в зачет государственного золотого резерва царской России не вошли).

В 1918–1920 и в 1930–1933 гг. большевики через ЧК и «торгсины» (магазины «торговли с иностранцами», предшественники хрущевско-брежневских «Березок») начнут выкачивать из населения эти золотые миллионы. Супруга внука последнего Председателя Государственной думы Олега Михайловича Родзянко, Татьяна Алексеевна, живущая в США, рассказывала мне в 1991 г., что ее девчонкой в 30-х годах «выкупили» жившие в Эстонии родственники именно за золотые «николаевки» и она легально вместе с родителями поездом выехала из Москвы за границу, в Таллин.

Во-вторых, с октября 1914 г. царское правительство усиленно стало отправлять русское золото за границу. Официальная версия – на закупку вооружений и амуниции. Подавляющее большинство исследователей и в прошлом (В. Новицкий, А.И. Погребецкий, А. Котом-

кин, П.Д. Климушкин), и в настоящем (С.П. Петров, Дж. Смеле) разделяет эту версию, но есть и несогласные с ней (например, Марина Горбова из Парижа). Одним из первых поставил версию под сомнение (на 250 млн. зол. руб. ушло золота за границу только через русский Дальний Восток) последний министр финансов белого правительства во Владивостоке в 1922 г. Валериан Иванович Моравский. Много лет спустя его сомнения, не подозревая об архиве Моравского в Гуверовском институте, разделил английский бизнесмен-журналист и историк-любитель Уильям Кларк. В своей научно-популярной книге «Потерянное сокровище царей» (1994 г.) он обратил внимание на любопытный факт: в пяти «золотых посылках», что были отправлены царским правительством за моря (в октябре 1914 г. на английском военном транспорте «Мантуа» под охраной крейсера «Драк» через Архангельск и Белое море – золота на 8 млн. ф. ст., или 75 млн. 120 тыс. зол. руб.; в декабре 1915 г. – 10 млн. ф. ст.; в июне 1916 г. – 10 млн. ф. ст.; в ноябре 1916 г. – 20 млн. ф. ст.; в январе 1917 г. – 20 млн. ф. ст. – всего на 68 млн. ф. ст. русского золота, см. Приложения), отдельными коносаментами (местами) грузилось личное золото семьи Николая II. Согласно давней традиции, восходящей еще к первым Романовым, Николай II имел в личной собственности золотые шахты в Забайкалье (Нерчинский рудник, где, кстати, отбывали каторгу декабристы) и на Алтае. Алтай – личный домен царя – он в 1909 г. по просьбе П.А. Столыпина «отписал в казну» для расселения столыпинских хуторян, но золотые рудники оставил за собой. У. Кларк приводит со слов англичанки Лили Ден (Dehn) свидетельство о том, что супруга царя Александра Федоровна, находясь под домашним арестом в Царском Селе в 1917 г. сразу после отречения Николая II (т. е. еще при Временном правительстве) говорила в присутствии фаворитки Анны Вырубовой о том, что царская семья располагает отныне достаточными средствами «в золоте и ценных бумагах» за границей, чтобы жить безбедно и в ссылке.

Сравнительно недавно один из наших соотечественников, живущих во Франции, князь Дмитрий Шаховской обратил мое внимание на то, что царица отнюдь не случайно упоминала о «ссылке» (эмиграции). Князь, систематически работающий все летние каникулы в архивах Москвы и Петербурга, не поленился еще раз прочитать оригинал второго варианта отречения от престола Николая II (не в пользу сына, а в пользу брата). Так вот, основной мотив отказа в пользу брата: моя семья вместе с детьми уезжает за границу.

Следует напомнить, что с началом мировой войны Николай II и все его родственники, великие князья, на семейном совете Дома Романовых решили закрыть свои личные счета за границей и перевести все средства в Россию – «на победу»; там же было решено передать свои дворцы в Петрограде под госпитали, а самим жить «на дачах» – в Царском Селе, Павловске, Гатчине, Петергофе и т. д., именно поэтому Зимний дворец превратился в гигантский госпиталь, где ни царь, ни Керенский практически не бывали.

В одном только Лили Ден ошиблась: она спутала «Банк оф Ингланд» (туда действительно частично пошло «казенное» русское золото, отправленное через Владивосток) с «Бразерс Бэрринг бэнк», личным (подобно «Креди Лионнэ» во Франции) банком семьи Николая II.

Эта путаница, кстати типичная и для советских историков (многие из них считают, что все «царское» золото якобы принадлежало лично Николаю II, тогда как на деле он сам скрупулезно отличал собственную «золотую шахту» от «казенной»), сыграла позднее, в 20-х годах, злую шутку с самозванкой «Анастасией» Андерсон, мнимой дочерью царя Николая. Хотя она наняла в советники-адвокаты дипломата Глеба Боткина, племянника известного врача, и пыталась через суд завладеть золотом царя и царицы, дело она проиграла: «Банк оф Ингланд» ответил, что «личного» золота ее «отца» у них нет, а на «казенное» она претендовать не может.

Лжецарица напрасно беспокоилась: «личного» золота царя и царицы не оказалось не только в «Банк оф Ингланд», но и в уполномоченном банке императорской семьи «Бразерс Бэрринг бэнк»: его в марте 1917 г. похитили японцы вместе с последней «оружейной посылкой» в США и Канаду.

И тем не менее легенда о том, что 5,5 т «личного» золота Николая и Александры Романовых находятся в английских банках и его можно засчитать в уплату внешнего долга СССР или России, оказалась весьма живучей. В нее поверила «железная леди» Маргарет Тэтчер, когда 15 августа 1986 г. подписывала в Лондоне с Горбачевым и Шеварднадзе «нулевой вариант».

На нее клюнул и бывший министр экономики в правительстве В.С. Черномырдина Евгений Ясин, когда в 1995 г. на своей пресс-конференции в посольстве РФ в Париже ссылаясь на горбачевский прецедент 1986 г. в обоснование аналогичного «нулевого варианта» с Францией.

Помнится, присутствуя на этой пресс-конференции, я весьма резко выступил там против таких «нулевых вариантов» и даже позднее написал в одном московском еженедельнике о капитулянтской политике российского министра экономики.

* * *

Однако, похоже, члены нашего Экспертного совета рано радовались: 26–28 ноября 1996 г. состоялся официальный визит премьер-министра В.С. Черномырдина во Францию, по итогам которого в Париже был подписан важный документ с мудреным названием «Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики относительно окончательного урегулирования взаимных требований между Россией и Францией, возникших до 9 мая 1945 г.».

Что означает сие «окончательное урегулирование» – уж не пресловутый ли «нулевой вариант»? – ни журналистам, ни общественности обеих стран участники этих переговоров, как обычно сверхсекретных и закрытых для прессы, не объяснили. Более того, уже в выступлениях на итоговой пресс-конференции в Париже и в комментариях официальных лиц в Москве начался разнобой в оценках «Меморандума». Французский премьер Ален Жюппе назвал этот документ «настоящим договором» между Россией и Францией, а не протоколом о намерениях. Наоборот, тогдашний вице-премьер и министр финансов А.Я. Лившиц увидел в «Меморандуме» именно протокол о намерениях, некую политическую декларацию, ибо «численные параметры возможного соглашения (по «царским долгам») будут определены на [последующих] переговорах». Спикер Госдумы РФ Г.Н. Селезнев вообще осудил это соглашение как несвоевременную уступку правительства России, создающую опасный прецедент для выдвижения требований по долгам со стороны других стран.

Еще более резкие оценки этого «Меморандума» прозвучали во Франции. Руководитель одной из четырех ассоциаций потомков держателей русских ценных бумаг Франсуа Байль был настолько возмущен «этим триумфом технократии и махинации», что от имени своей ассоциации пригрозил подать на премьер-министра Жюппе в Европейский суд в Страсбурге, ибо «этот договор – второй грабеж владельцев российских облигаций во Франции».

Разумеется, на фоне требований этих владельцев выплатить им 40 млрд. долл. за «царские облигации» да еще 120 млрд. процентов по ним, набравших за 80 лет, упомянутые в «Меморандуме» 400 млн. долл. (по 500 фр. за штуку, или по 100 долл.), да еще с рассрочкой выплаты до 2000 года, выглядели мизером. По мере того как французские журналисты докапывались до деталей этой явной сделки двух премьеров, термин «махинация» звучал все громче и громче. Выяснилось, например, что из этих 400 млн. долл. только 2/3 пойдут на оплату «царских» бумаг, а 1/3 – на компенсацию потомкам владельцев французской недвижимости в России, потерявшим там после октября 1917 года свои заводы, фабрики, магазины и косметические кабинеты (ассоциация бывших владельцев объединяет сегодня около 2 тыс. членов, что намного меньше ассоциаций держателей русских ценных бумаг, насчитывающих более 200 тыс. потомков с 4 млн. облигаций и акций).

Но и эти потомки владельцев остались недовольны, ибо их компенсация – это всего около 120 млн. долл. – чисто символическая сумма на фоне 2 млрд. зол. фр., вложенных в 1900–

1914 гг. их предками в русскую промышленность и торговлю (заводы в Донбассе и рудные копи в Кривом Роге, трамвай в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, модные магазины на Кузнецком Мосту в Москве и т. д.).

Но французские «разгребатели грязи» стали копать глубже, и вскоре после отъезда Черномырдина просоциалистическая оппозиционная газета «Либерасьон» выдала главную сенсацию: оказывается, еще в 1963 г. Н.С. Хрущев урегулировал проблему «царских» долгов путем зачета 47,5 т так называемого «ленинского» золота в уплату компенсации крупным владельцам и кредиторам во Франции (банкам «Креди Лионнэ», «Париба», «Сосьете женераль», Национальное общество железных дорог Франции и др.), оставив мелких владельцев и потомков держателей «царских» ценных бумаг (две-пять акций или облигаций) ни с чем. Якобы предшественники Е.Г. Ясина, О.Д. Давыдова и А.Я. Лившица в хрущевском окружении еще в 1963 г. подписали «нулевой вариант» (по сию пору остающийся сверхсекретным), по которому СССР отказывался на вечные времена от «ленинского» золота (а из него и набежавших за почти 50 лет процентов выплачивалась компенсация французским «китам»), но Франция, в свою очередь, снимала свои претензии по «царским» долгам.

Так ли это на самом деле – позволит установить знакомство с документами «нулевого варианта» 1963 г., чем сегодня и занимается наш Экспертный совет (об истории появления «ленинского» золота во Франции см. ниже, гл. 3).

Но, судя по тому, как В.С. Черномырдин неуклюже отбивался от вопроса настырного корреспондента «Комсомолки» в Париже М. Чикина, хрущевский «нулевой вариант» 1963 г. был подтвержден черномырдинской командой в 1996 г. Судите сами. Корреспондент спрашивает у премьера: «Как решилась судьба «ленинского» золота?» Черномырдин: «Какое золото?» М. Чикин популярно объясняет (излагая мои публикации в прессе и документы по «ленинскому» золоту, опубликованные еще в 1995 г. в «Дипломатическом ежегоднике») какое. Черномырдин в ответ: «Все ленинское, колчаковское, сталинское и прочее золото... Нет его. И не будет. Все это вошло сюда (премьер постучал по папке с договором). Для кого к сожалению (жест в сторону Жюппе), а для кого и без сожаления (в свою сторону), но получилось так, как получилось».

Сразу после визита Черномырдина в Париж ко мне, как к председателю Международного экспертного совета по зарубежному золоту, недвижимости и царским долгам, обратились за комментариями представители СМИ: нескольких электронных (МТК «Субботний вечер с Андреем Леоновым», 30 ноября; ТВ-31, передача Владимира Мукусева «Не могу молчать!», 6 декабря) и печатных (еженедельники «Век», «Аргументы и факты», «Новая газета» и ежедневные «Российская газета» и «Труд») – читателям и телезрителям был совершенно непонятен смысл визита В.С. Черномырдина во Францию.

Пришлось вначале рассказать обо всей долгой и сложной истории тянувшихся с 1922 г. переговоров о «царских» долгах, одновременно демонстрируя подлинники русских облигаций и акций за 1880–1914 гг. и объясняя: эти (облигации императорских государственных займов с подписью председателя Госбанка – примерно 25 % от 10 млн. проданных во Франции) оплате подлежат, а эти (акции частных фирм, заводов и городов, ныне расположенных на территории южных соседей России по СНГ, – около 75 %) – нет. Кроме того, пришлось пояснить, что и из этих 10 млн. на руках у потомков держателей русских ценных бумаг во Франции осталось не более 4 млн. остальные либо физически пропали (в ярости были порваны, сожжены или выброшены еще в 1919–1922 гг. мелкими владельцами акций), либо были скуплены крупными спекулянтами ценных бумаг. Одна мадам даже в 1995 г. скупала таких «бумажек» на 200 млн. фр. Но к оплате эти «спекулянтские» бумаги предъявлять нельзя, так как надо еще доказать, что твои дедушка или бабушка лично покупали «царские» бумаги на Парижской бирже до 1914 г. А чтобы спекулянты не наживались на горе мелких вкладчиков, французское правительство еще 10 сентября 1918 г. издало специальный декрет об обязанности владельцев цен-

ных русских бумаг, если они или их потомки хотят когда-нибудь получить по ним их номинальную стоимость и проценты, лично зарегистрировать каждую такую облигацию или акцию в отделениях французского казначейства. На практике это выглядело так: на обороте каждой русской ценной бумаги ставился казенный штамп казначейства: «заявитель номер такой-то», «заявил такого-то числа такого-то года». Такие штампы ставились с 1918 по 1927 г. и только эти облигации и акции можно сегодня предъявлять к оплате.

Как мне по секрету сказали в Париже в одной из ассоциаций потомков держателей русских ценных бумаг, из 400 тыс. претендентов менее 10 % имеют такие «проштампованные» бумаги, остальные же надеялись на «чудо». И «чудо» свершилось. Российская делегация не стала мелочиться: сколько вас там, держателей? Ах, всего 400 тыс., а мы-то думали, что 10 млн. Ну так вот вам всем «на круг» по 100 долл. за акцию-облигацию, а есть ли на ней штамп или нет, нам неважно. Так и появились эти пресловутые 400 млн. долл. Словом, взяли уже готовую схему из «нулевого варианта» Горбачева-Тэтчер от 15 августа 1986 г. (там, если помните, «на круг» выдали по 90 долл. за облигацию).

На самом же деле, как я объяснил телезрителям и читателям газет, весь этот «Меморандум» и вообще вся шумиха относительно «окончательного урегулирования» «царских долгов» не более чем дымовая завеса для решения совсем других задач, которые по степени срочности делились на три группы.

Первая. С помощью Алена Жюппе уговорить директора-распорядителя МВФ Мишеля Камdessus снять эмбарго МВФ на предоставление очередного транша на 250–300 тыс. долл. и «угольного транша» ВБ (для реконструкции нерентабельных шахт России) на 400 млн. долл., что и было успешно совершено нашим премьером.

Вторая. Опять же при поддержке Жюппе добиться снятия эмбарго на распространение во Франции российских еврооблигаций (евробондов), незадолго до визита в Париж удачно проданных на Нью-Йоркской бирже ценных бумаг на целый миллиард долларов. К концу 1996 г. подготовлен был к продаже еще один транш на 2–3 млрд., да бельгийцы с французами заблокировали свой рынок ценных бумаг – сначала заплатите «царские долги», у нас парламентские выборы на носу, а тут почти полмиллиона недовольных нашими правительствами избирателей. Вот наши и «заплатили», подписав для публики «Меморандум» – протокол о намерениях.

Третья, и самая главная. Головной болью В.С. Черномырдина и его министров стали вовсе не «царские долги», а долги текущие – 130 млрд. долл., с 1992 г. выплата одних процентов по которым в размере 9 млрд. долл. ежегодно делает в бюджете России огромную «дыру». И это вам не какие-то там «царские» облигации. Не случайно, прибыв в Париж, Черномырдин в сердцах бросил французским журналистам реплику: «Пусть подождут!» Банки «семерки», МВФ, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития ждать 80 лет не будут. Что же делать? В России полный развал экономики, налоги не собираются, зарплаты и пенсии не платятся, а президент, выздоравливая, грозил вызвать премьера и его министров «на ковер». И выход «мудрецы» из Белого дома на Краснопресненской набережной нашли: поступим-ка мы как большевики в 1927 г. в том же Париже, которые пообещали выплатить «царские долги» в рассрочку аж на 60 лет (т. е. до самой горбачевской перестройки!), а под это обещание заняли у европейских банкиров целых 225 млрд. долл. (в современных ценах) на индустриализацию. И тоже свой «меморандум» с французами уже было подписали, но, как всегда, вмешалась политика – борьба троцкистов со сталинистами в партии. «Меморандум» же подписал полпред во Франции Христиан Раковский, видный троцкист да еще близкий друг самого Льва Троцкого. Ясное дело, Сталин немедленно дезавуировал «троцкистский» документ, а Троцкого, Раковского и еще 120 троцкистов исключил на XV съезде ВКП(б) из партии и сослал в Сибирь (а самого Троцкого в 1929 г. еще и выслал за границу).

Сегодня обвинения в «троцкистском уклоне» никому в России и СНГ не грозят, поэтому можно повторить старый эксперимент с отсрочкой, но не «царских долгов», а текущих: с помо-

щью все того же Алена Жюппе вступить в Парижский банкирский клуб под флагом необходимости получить 100 млрд. долл. долгов от Кубы, Эфиопии, Бенина, Сомали, Мозамбика и др., а на самом деле – обеспечить 25-летнюю отсрочку по выплате текущих 130 млрд. долгов и начать занимать в эту четверть века по новой. Вот в чем весь смысл этой, как возмущаются французы, «махинации».

А через 25 лет, то есть в 2021 г., или кобыла сдохнет, или цыган помрет. Ясно, что многие фигуранты сегодняшней российской политики физически не доживут до этой благодати. Может статься, и будущие партнеры Запада по «русским долгам» (как царским, так и ельцинским) будут в 2021 г. уже совсем другими – независимые «штаты»: Республика Ичкерия, Республика Саха (Якутия), Татарстан, Нижегородское генерал-губернаторство и т. п. А эти «новые штаты» долги «проклятого режима» (т. е. Российской Федерации) платить откажутся и пойдут занимать по новой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.